Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Иеродиакон невского монастыря Макарий

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 11-12. С. 648-686.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Іеродіаконъ невскаго монастыря Макарій.

(Эпизодъ изъ русской церковной исторіи XVIII в.).

I.

4-го іюля 1726 года на ижорской заставѣ въ С.-Петербургѣ остановленъ былъ неизвѣстный монахъ, который объявилъ о себѣ, что онъ—іеродіаконъ невскаго монастыря, по имени Макарій, возвращающійся въ тотъ монастырь послѣ долгаго отсутствія. Такъ какъ Макарій не имѣлъ при себѣ паспорта, то его подъ конвоемъ отослали въ тіунскую контору св. синода. Здѣсь на допросѣ Макарій разсказалъ свою біографію. Родомъ онъ былъ малороссіянинъ, сынъ посадскаго человѣка города Миргорода Леонтія Тимоѳеева, въ мірѣ назывался Михаиломъ. Отецъ его умеръ лѣтъ двадцать тому назадъ, затѣмъ умерли его мать и братья. Послѣ смерти матери, онъ ушелъ для прокормленія себя въ Кіевъ и поселился въ николаевскомъ пустынномъ монастырѣ, при кельяхъ, для ученья; черезъ четыре года, по прошенію игумена монастыря, Амвросія Билкевича, митрополитомъ кіевскимъ Іоасафомъ Кроковскимъ посвященъ въ іеродіакона, съ именемъ Марка. Когда въ Кіевѣ, волею Божіею, наступилъ моръ, онъ переселился въ Черниговъ и года три жилъ въ тамошнемъ троицкомъ монастырѣ, гдѣ посвященъ въ мантію съ именемъ Макарія. Изъ Чернигова онъ переселился въ Москву, въ богоявленскій, что за иконнымъ рядомъ, монастырь, гдѣ прожилъ съ годъ; митрополитъ Стефанъ Яворскій, узнавъ его, взялъ къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ прожилъ съ полгода, а потомъ

опять поступилъ въ богоявленскій монастырь. Въ 1712 году, по указу царевны Наталіи Алексѣевны, Макарій взятъ былъ въ ея домъ, гдѣ служилъ годъ и два мѣсяца, послѣ чего снова возвратился въ богоявленскій монастырь. Въ 1717 году по указу его императорскаго величества, онъ, въ числѣ девяти человѣкъ монаховъ богоявленскаго монастыря, былъ перемѣщенъ въ александроневскій монастырь, въ С.-Петербургъ. Но архіепископъ Ѳеодосій Яновскій, архимандритъ монастыря, скоро не взлюбилъ его и черезъ девять мѣсяцевъ изгналъ его, за то будто бы, что въ домѣ царевны Наталіи Алексѣевны онъ служилъ безъ его архипастырскаго благословенія. Макарій рѣшился покинуть Петербургъ и, не взявъ паспорта, прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ 1718 году, онъ однажды имѣлъ во вратахъ печерскаго монастыря продолжительное препирательство съ неизвѣстными раскольниками о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія, о хожденіи посолонь, о „его же царствію *нѣсть* конца“, о „вѣрую въ Духа Святаго истиннаго и животворящаго“, и прочихъ пунктахъ раскольническаго ученія. Затѣмъ онъ отправился на Аѳонъ для моленія и дабы видѣть, „въ какой силѣ тамъ состоитъ церковь“; паспорта при этомъ не бралъ, а путешествовалъ въ обществѣ аѳонскихъ монаховъ, приходившихъ въ то время изъ Баръ-града въ Кіевъ, изъ которыхъ одинъ—всѣхъ ихъ было трое—остался въ Кіевѣ для пріисканія себѣ тамъ мѣста; съ его паспортомъ и подъ его именемъ, съ двумя остальными, Гервасіемъ и Галактіономъ, возвращавшимися на постоянное жительство въ свой монастырь, онъ и прибылъ благополучно на Аѳонъ. Пробывъ здѣсь мѣсяцевъ восемь, и убѣдившись въ безусловной чистотѣ ученія церкви великороссійской и тождествѣ его съ ученіемъ церкви греческой, Макарій возвратился въ Россію и отправился въ С.-Петербургъ. Архіепископъ Ѳеодосій, къ которому онъ явился, отложилъ свой прежній гнѣвъ на него и простилъ ему вину его самовольной отлучки. Въ 1719 году, когда ходили во дворецъ Христа славить (вѣроятно съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ), Макарій за побѣгъ свой изъ невскаго мо-

настыря просилъ прощенія у самого блаженной и вѣчной славы достойной памяти его императорскаго величества, каковаго и удостоился. Чрезъ два года пребыванія въ невскомъ монастырѣ Макарій снова оказался неугоденъ Ѳеодосію, и снова ушелъ изъ монастыря, опять безъ паспорта и опять на свою родину, въ Малороссію, жилъ въ бертацкомъ и другихъ монастыряхъ, въ Кіевѣ подавалъ прошеніе митрополиту Варлааму объ опредѣленіи его въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей, но безуспѣшно; съ полгода жилъ у переяславскаго архіерея Кирилла Шумлянскаго; снова подавалъ прошеніе о поступленіи въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей, именно въ николаевскій пустынный, и опять безуспѣшно. Проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, причемъ Макарій занимался препирательствомъ съ тамошними отцами консистористами о замѣченныхъ имъ несогласіяхъ малороссійской, черниговской и кіевской церкви съ великороссійскою, онъ рѣшился наконецъ покинуть свое „отечество“ и отправился сначала (въ 1725 г.) въ Москву, гдѣ, опять въ богоявленскомъ монастырѣ, прожилъ десять мѣсяцевъ, а затѣмъ— въ С.-Петербургъ.

II.

Таковы обстоятельства жизни Макарія до ареста его на ижорской заставѣ, разсказанныя имъ на допросѣ въ синодальной тіунской конторѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей записки, предназначавшейся къ подачѣ въ св. синодъ (о которой рѣчь будетъ ниже), онъ разсказываетъ болѣе подробно о своемъ пребываніи въ Кіевѣ. Во время неоднократныхъ его пріѣздовъ въ этотъ городъ, во время странствованія его по другимъ городамъ и монастырямъ Малороссіи его поражали разности въ богослужебномъ чинѣ и во всемъ строѣ церковно-религіозной жизни между Малороссіей и Великороссіей. Онъ неоднократно подавалъ кіевскимъ духовнымъ властямъ письма съ изложеніемъ своихъ наблюденій и замѣчаній, еще чаще вступалъ съ кіевскими отцами-консистористами въ устныя препирательства то въ самой консисторіи, то въ церквахъ, то по домамъ. Отцы

консистористы встрѣчали его всегда крайне-непріязненно и грубо; когда онъ представлялъ письменное изложеніе своихъ недоумѣній, ему отвѣчали: „отъ Кіева вѣра исходитъ и исправленіе, а се антихристово исправленіе,—ты во адѣ съ чертями то исправленіе писалъ“. 21 мая 1725 года онъ подалъ изложеніе своихъ недоумѣній самому митрополиту Варлааму, но тотъ, не прочитавъ свитка, отдалъ его своему секретарю Ольховскому [1]), тотъ собралъ кіевскихъ старцевъ, которые тотъ свитокъ читали, а потомъ „посадили его на цепь“. Черезъ двѣнадцать дней консистористы собрались и потребовали къ себѣ узника, который и былъ приведенъ въ цѣпяхъ. Стали предлагать ему вопросы по содержанію его свитка, а онъ на каждый вопросъ далъ письменное объясненіе, прося рѣшить его недоумѣніе. Но отвѣтовъ ему не давали, а спрашивали: кто послалъ тебя въ кіевскую церковь изслѣдовать ея ученіе? Покажи указъ! Макарій отвѣчалъ, что такой указъ содержится въ духовномъ регламентѣ, да и на воротахъ въ Кіевѣ прибитъ печатный указъ, чтобы подсматривать неисправленія въ кіевскихъ книгахъ. Писарь принесъ указъ и прочиталъ въ немъ, что велѣно подсматривать неисправленія въ книгахъ великороссійскихъ и доносить коллегамъ. Затѣмъ съ Макарія сняли клобукъ и осудили его бить, и говорили: дабы и прочіе не дерзали изслѣдовать кіевской церкви. Повели его бить. Макарій говорилъ: посылайте меня до синода, а писарь отвѣчалъ: не быть тебѣ въ синодѣ. И били его не мало консистористы въ кіевской Софіи — „больше двухсотъ ударовъ.... вложили“. Ольховскій пыталъ Макарія: кто съ тобою въ совѣтѣ? Макарій отвѣчалъ: никого нѣтъ. Тогда его снова стали бить, при чемъ Ольховскій приговаривалъ: до тѣхъ поръ будемъ тебя бить, пока не скажешь, кто съ тобой въ совѣтѣ. Макарій вопилъ: ежели кто есть со мною въ совѣтѣ,

[1]) Въ одномъ изъ своихъ прошеній Макарій указываетъ на то, что Ольховскій—братъ Гавріила, епископа рязанскаго. Другой братъ того же епископа Романъ былъ протопопомъ полтавскимъ и, какъ жалуется Макарій, столь же горячо защищалъ уніатскія нововведенія въ южно-русской церкви.

а я его утаиваю, то да разверзется подо мною земля и да пожретъ меня якоже Даѳана и Авирона, и часть моя со Іудою да будетъ. Но его продолжали бить и „били много — плетьми суровыми, въ три перста толстыми, крѣпко на крѣпко крутыми, токмо по рясѣ и рубашкѣ, донележе плоти и съ кровію отпасти". „Всячески тщахуся мене уморити, дабы не возмогохъ въ св. восточнѣй церкви о нихъ доносити", продолжаетъ свой разсказъ Макарій. „И подняли меня полумертва, отнесли въ хлѣбную, и вринули подъ лавку". Никольскій игуменъ и писарь являлись къ нему, закованному въ кандалы тѣсно, и говорили „отрадныя рѣчи": „таковаго проклятаго сына достоитъ въ землю живаго вкопати, чтобы не могъ больше о кіевской церкви, яко собака, брехати". „Чи ты архіерей? Чи ты архимандритъ? Чи ты философъ, что дерзаешь кіевскую церковь изслѣдовати? Ты... хощешь кіевскія книги и таинства на иншія перевершати. Напередъ ты самъ, якъ песъ смердячій, въ земли будеши гнити, нежели кіевскую вѣру на иную премѣнити. Ты, погибельный сынъ, горѣе разбойника и всякаго злодѣя: что тебѣ дѣлаетъ въ вѣрѣ нашей наша надѣя?" По двухъ недѣляхъ біенія Макарія привели въ кандалахъ къ писарю, который ему сказалъ: хвалился ты на Москву утекати, и мы тебя поймаемъ, и тамъ тебѣ погибать,—за тѣмъ отдали его подъ крѣпкое храненіе никольскому игумену, и „приближили" его къ Днѣпру рѣкѣ. По трехъ недѣляхъ, разбивши Божіею помощію кандалы, Макарій убѣжалъ изъ Кіева въ Москву. Но богоявленскій монастырь, который прежде принималъ его столь радушно, теперь оказался негостепріимнымъ. Здѣсь жилъ стряпчій кіево-софійскій съ печерскими старцами, которые были извѣщены изъ Кіева о Макаріѣ и предупредили игумена богоявленскаго монастыря о качествахъ Макарія. Увѣдавъ, что Макарій пишетъ свою нужду и хочетъ ѣхать въ Петербургъ, богоявленскіе монахи сговорились между собою: удержимъ и придавимъ его здѣ, чтобы не возмоглъ дойти къ главному синоду, — многимъ наговаривали, чтобъ его прибити, наконецъ подговорили двухъ пьяныхъ дьяконовъ напасть на его келью

ночью, что и было исполнено: тѣ напали на Макарія въ его кельѣ ночью и прибили до полусмерти. Макарій жаловался архимандриту, но тотъ суда ему не далъ. Во вторникъ свѣтлой недѣли славили монахи Христа: дьяконъ Каллистъ у дворецкаго за столомъ говорилъ: „уне намъ, да единъ человѣкъ умретъ, да не нанесетъ всѣмъ намъ безчестіе и укоризну“. Въ тотъ самый день, какъ Макарій собрался выѣхать въ С.-Петербургъ, архимандритъ и кіево-софійскій стряпчій напали на него и стали требовать, чтобы онъ подалъ въ Москвѣ доношеніе, въ которомъ бы повинился въ своей лжи; велѣли не допускать его до его „чулана“: „бо тамъ есть у него написанное еретичество“; Макарій вырвался и убѣжалъ въ С.-Петербургъ въ чемъ былъ. Всѣ пожитки его и письма остались во власти богоявленскихъ монаховъ.

III.

Переходы или „бродня“ монаховъ изъ одного монастыря въ другой еще при предшественникахъ Петра I практиковались на Руси въ широкихъ размѣрахъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ жаловался на это на соборѣ 1681 г., который постановилъ по этому предмету спеціальныя узаконенія [1]). Не менѣе широко практиковались эти переходы и при Петрѣ I. Для монаховъ съ богословскимъ образованіемъ или искавшихъ таковаго, къ числу которыхъ по всей справедливости слѣдуетъ отнести и іеродіакона Макарія, эти переходы были своего рода peregrinatio academica: путемъ наблюденій надъ религіозною жизнію разныхъ мѣстностей, посредствомъ собесѣдованій съ ученою братіею монастырей, занятій въ монастырскихъ библіотекахъ, расширялся ихъ религіозный кругозоръ, увеличивалась сумма ихъ богословскихъ знаній. Такія знаменитости русской церкви какъ Палладій Роговскій, первый ректоръ и организаторъ московской славяно-греко-латинской академіи и первый русскій „докторъ“, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гедеонъ Вишневскій, и многіе другіе, ничтоже сумняся,

[1]) См. Акты историч. т. V, стр. 117.

ради своего образованія странствовали даже въ католическіе монастыри, измѣняли на время православію, чтобы имѣть доступъ въ католическія академіи и коллегіи. Даже простая „бродня“ не ученыхъ монаховъ, не смотря на строгія узаконенія гражданской власти, не навлекала особенно-строгой кары со стороны власти церковной. Не дальше какъ въ томъ же 1726 году въ св. синодѣ производилось нѣсколько дѣлъ о бродячихъ монахахъ, кончившихся вполнѣ благополучно для послѣднихъ. Нѣкто Спиридонъ Бѣльскій, бѣжавшій изъ спасскаго училищнаго монастыря въ Новгородъ, былъ замѣченъ тамъ въ непорядочныхъ поступкахъ и представленъ преосв. Ѳеофаномъ въ синодъ, гдѣ разсказалъ о себѣ слѣдующее. Уроженецъ польской націи, города Бѣльска, купецкаго человѣка Василія Арташевича сынъ, тринадцати лѣтъ ушелъ изъ дома родителей безъ ихъ вѣдома; въ городѣ Замостьѣ въ тамошней школѣ изучалъ греческій языкъ съ годъ; два года жилъ въ домѣ одного шляхтича; потомъ переселился въ Ярославль, года два учился здѣсь латинскому языку; затѣмъ отправился въ Кіевъ на поклоненіе мощамъ; оставшись здѣсь, полтора года учился въ васильевской школѣ, посѣщая при этомъ училища латинскія; предъ взятіемъ Шлиссельбурга переселился въ Москву, гдѣ митрополитъ Стефанъ опредѣлилъ его въ спасскій училищный монастырь для наученія латинскаго діалекта; пробывъ здѣсь семь лѣтъ, онъ переселился къ вдовѣ Постевой, обучая латинскому языку ея сына Николая; затѣмъ жилъ въ Шлиссельбургѣ у провіантмейстера Колтовскаго, обучая латыни его сына Илью; далѣе взялъ его къ себѣ хутынскій архимандритъ Ѳеодосій (въ послѣдствіи извѣстный новгородскій архіепископъ, по фамиліи Яновскій), отъ котораго онъ перешелъ къ новгородскому вице-губернатору Корсакову, въ качествѣ учителя его сына Воина, потомъ четыре мѣсяца жилъ у новгородскаго митрополита Іова, отъ котораго снова ушелъ въ спасскій монастырь, а отсюда поступилъ къ князю Масальскому учителемъ его сына; отъ Масальскаго опять возвратился въ спасскій монастырь, гдѣ обучался философіи; изъ спасскаго монастыря

поѣхалъ въ С.-Петербургъ къ Ѳеодосію, уже александро-невскому архимандриту, просить священства; но не получивъ таковаго, поѣхалъ въ Смоленскъ къ архіепископу Варлааму, отъ него въ Кіевъ, оттуда въ Черниговъ, гдѣ наконецъ въ елецкомъ монастырѣ постриженъ былъ въ монахи. Отсюда преосв. Иродіономъ взятъ былъ въ черниговскій архіерейскій домъ, сначала расходчикомъ печенаго хлѣба на школьниковъ, потомъ учителемъ въ латинской школѣ. Проживъ здѣсь, однако не болѣе полгода, поѣхалъ снова въ Москву, въ спасскій монастырь, гдѣ сдѣланъ ризничимъ. Послѣ продолжительной болѣзни, сдавъ ризницу, онъ съ позволенія архимандрита собрался въ елецкій монастырь „на обѣщаніе“. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отправиться, у него произошла ссора съ іером. Іоакимомъ, за которую онъ былъ сосланъ въ покровскій монастырь подъ началъ. Вызванный оттуда для допроса въ спасскій монастырь, онъ съ дороги бѣжалъ и прибылъ въ Новгородъ, гдѣ его пріютилъ судія архіерейскаго дома Маркеллъ Родышевскій. Затѣмъ онъ поселился въ юрьевомъ монастырѣ, намѣреваясь остаться въ немъ навсегда. Св. синодъ опредѣлилъ отпустить его въ черниговскую епархію „на обѣщаніе“ [1]). Такова же была исторія нѣкоего іеродіакона Нектарія Данилова [2]). Уроженецъ тульской провинціи, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ и другими шляхетскими дѣтьми, мальчикомъ отданъ былъ, по смотру князя Меньшикова, въ математическую и навигацкую школу, но не вытерпя здѣсь, написалъ самъ себѣ проѣзжее письмо и бѣжалъ изъ С.-Петербурга. На пути въ Литву, въ Рославлѣ оставался на полгода, былъ въ Кіевѣ, затѣмъ прошелъ въ Польшу, въ Витебскѣ въ монастырѣ полгода работалъ на поварнѣ, потомъ постригся въ монахи и епископомъ могилевскимъ Сильвестромъ-Святополкомъ посвященъ въ іеродіакона. Изъ Витебска ушелъ снова въ Кіевъ, но не ужился здѣсь, и пошелъ было въ

[1]) Дѣло архива св. синода, 1726 г. № 123.
[2]) Дѣло архива св. синода, 1726 г. № 279.

Москву, чтобы повиниться въ побѣгѣ, но на пути былъ принятъ радушно въ новопечерскомъ Свинскомъ монастырѣ и жилъ тамъ, пока намѣстникъ Варсонофій Ростоцкій, за что-то разгнѣвавшись на него, не донесъ о немъ въ преображенскую канцелярію, которая препроводила его въ адмиралтействъ-коллегію, а эта въ синодъ. Св. синодъ и Данилову, которому отъ роду было въ это время всего девятнадцать лѣтъ, оказалъ то же снисхожденіе, что и Бѣльскому: онъ опредѣлилъ Нектарію быть іеродіакономъ неотмѣнно въ одномъ изъ монастырей ростовской епархіи.

IV.

Не таковою оказалась участь Макарія. Человѣкъ, удостоившійся чести служить въ домѣ царевича Алексѣя Петровича и царевны Натальи Алексѣевны, лично извѣстный царю Петру I, пользовавшійся близостью къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола, вызванный въ числѣ избранныхъ въ первоначальный составъ братства александро-невскаго монастыря, конечно въ „надежду архіерейства“ [1]), то покровительствуемый, то преслѣдуемый нѣкоторое время весьма могущественнымъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ, имѣвшій во всякое время готовый для себя пріютъ въ монастырѣ богоявленскомъ, Макарій былъ, какъ говорится, на виду и на счету у высшаго духовнаго и свѣтскаго начальства. Повидимому это могло бы дать ему нѣкоторые шансы на снисхожденіе къ нему, когда онъ послѣ многотрудныхъ странствованій въ интересахъ правовѣрія, хотя и добровольныхъ, не вызывавшихся распоряженіемъ начальства, явился въ свой монастырь, въ которомъ въ то время уже не было Ѳеодосія. Но вышло иначе. Подъ видомъ взысканія за неимѣніе паспорта и за „ханжинскую бродню“ его постигъ рядъ истязаній, подобныхъ которымъ немного можно указать даже въ тотъ суровый и жестокій вѣкъ. Дѣло въ томъ, что у Макарія не оказалось паспорта, но за то оказался

[1]) См. Полн. собр. закон. т. V, № 3232.

цѣлый пукъ писемъ его руки о несогласіи малороссійской, черниговской и кіевской церквей съ греческою и великороссійскою. Это „несогласіе“ было не совсѣмъ зажившимъ еще больнымъ мѣстомъ русскаго богословія и русской церковной жизни, раной, растравленной недавними спорами двухъ главныхъ іерарховъ русской церкви Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича... Уже судя a priori можно предположить, что сообщенія Макарія имѣли большую или меньшую степень вѣроятія. Независимо отъ тѣхъ разностей въ вѣроученіи, церковныхъ обрядахъ и религіозномъ быту, какія могли имѣть мѣсто въ южной Руси сравнительно съ Великороссіей, вслѣдствіе естественнаго и неизбѣжнаго вліянія на Кіевъ со стороны католичества, уніи и самой отчасти латинствовавшей академіи кіевской, св. синоду не разъ приходилось самому замѣчать догматическія неправильности даже въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, печатавшихся въ Кіевѣ, въ тамошней типографіи, состоявшей подъ надзоромъ самого св. синода. На подобныя неправильности не разъ указывалъ св. синоду ученый директоръ московской типографіи, Поликарповъ, когда синодъ поручалъ ему сличать кіевскія изданія церковно-богослужебныхъ книгъ съ московскими и петербургскими. Такъ между прочимъ Поликарповъ въ 1726 г. доносилъ, что въ изложеніи вѣры св. Максима Исповѣдника въ дестевой Псалтири 1718 г. напечатано: „не естества бо сія суть, но ипостаси“, а въ четвертной: „естества бо сія суть, не ипостаси“. На вопросъ синода, какимъ образомъ произошла эта разность, Поликарповъ отвѣчалъ, что книгоправитель Кнафеевичъ въ 1671 г. своеручно переправилъ это мѣсто, и изъ „не естества бо суть, но ипостаси“, сдѣлалъ: „естества бо суть, не ипостаси“,— и такимъ образомъ впалъ въ ересь ѳеопасхитовъ. „Знатно, что сей острозрительный справщикъ книгъ не читалъ, или и читая, не зналъ, яже читалъ, паче же св. Дамаскина кн. IV, гл. 7. И сія многоглавая гидра отъ того лѣта вкрадеся въ книги россійскія и гнѣздилася до 1703 года“. Въ томъ же доношеніи Поликарповъ упоминаетъ и о другой важной неправильности, допущенной въ

одномъ изъ кіевскихъ изданій: „пострада Христосъ во двою естеству сый, *страннымъ* естествомъ распятся“. Вмѣсто „страннымъ“ слѣдовало напечатать по мнѣнію Поликарпова „*страдательнымъ*“ или „*страдальнымъ*“ или, по переводу Епифанія Славинецкаго— „страстнымъ (τῇ παθητικῇ φύσει), якоже то и Дамасковъ свѣтильникъ въ греческомъ подтверждаетъ“.

Заявленія Макарія относительно южно-русской церковной жизни, какъ увидимъ, были гораздо важнѣе подобныхъ книжныхъ опечатокъ и недосмотровъ, содержа въ себѣ полную и всестороннюю критику всего богослуженія южно-русской церкви, всего церковно-религіознаго быта. Это былъ серьезный и добросовѣстный трудъ, сдѣланный самымъ тщательнымъ образомъ. Такимъ образомъ Макарій и его письма заслуживали бы не гоненія и преслѣдованія, а вниманія и благодарности. Но, какъ уже сказано, вышло иначе. „Письма“ его, для соблюденія формы, поручено было разсмотрѣть Аѳанасію, епископу вологодскому, который далъ о нихъ краткій отзывъ (мы его приведемъ ниже), самого же Макарія велѣно „посадить на чепь“ въ желѣзныхъ кандалахъ при канцеляріи синода впредь до постановленія о томъ, какъ поступить съ нимъ за неимѣніе имъ паспорта и за его „ханжинскую бродню“. 15 октября синодальный капралъ донесъ св. синоду, что въ ночи, въ 7-мъ часу, содержавшійся подъ карауломъ при синодѣ іеродіаконъ Макарій бѣжалъ. Подвергнутые допросу караульные показали, что узникъ сначала держался скованнымъ, а потомъ его расковали по приказу секретаря тіунской конторы Семена Дьякова, и былъ онъ въ такомъ положеніи два мѣсяца. По объясненію самого Макарія (данному позже), его расковали потому, что сидя въ темномъ, сыромъ, каменномъ подвалѣ, гдѣ ему и пищи не полагалось,—питался лишь случайными подаяніями,—онъ до того ослабѣлъ, что не могъ ни ходить, ни говорить. Сначала содержанія ему не было положено никакого; послѣ того, какъ его расковали, ему назначили по грошу въ день, изъ каковой суммы три деньги шли на покупку ему пищи, а одна деньга взималась солдатами за трудъ

покупанія пищи. Подъячій Алексѣй Баженовъ говорилъ, по словамъ Макарія, что его сначала велѣно было уморить. Предъ побѣгомъ Макарій говорилъ караульнымъ, что его велѣно сослать въ Каменный монастырь. По справкѣ съ соборнымъ уложеніемъ (10 гл. ст. 271), и съ указомъ синода отъ 6 апрѣля 1722 г., св. синодъ 17 октября 1726 года опредѣлилъ: „для поимки онаго утеклеца всякаго чина людемъ чрезъ полиціймейстерскую канцелярію распубликовать въ самой скорости въ С.-Петербургѣ въ пристойныхъ мѣстахъ“. Но не успѣли исполнить этого распоряженія, какъ синодальные солдаты привели Макарія обратно въ синодальную канцелярію; бѣглецъ былъ найденъ въ канцеляріи сената. На допросѣ Макарій объяснилъ, что бѣжалъ не для того, чтобы скрыться вовсе, а потому, что за неимуществомъ помиралъ съ голоду, а еще больше потому, что узналъ о намѣреніи синода послать его въ ссылку, хотѣлъ подать прошеніе свѣтлѣйшему князю Меньшикову о заступленіи предъ синодомъ и объ изслѣдованіи его писемъ. По побѣгѣ онъ скитался по разнымъ дворамъ, гдѣ его принимали, не зная, что онъ бѣглецъ. Прося прощенія у св. синода, Макарій умолялъ о скорѣйшемъ рѣшеніи его дѣла. Посаженный снова подъ караулъ въ цепи и желѣзахъ, Макарій 30 ноября снова бѣжалъ, но былъ пойманъ снова на московской сторонѣ, у Сытнаго дворца, противъ конюшенъ, на рѣчкѣ Мойкѣ, подъ мостомъ. Ведомый въ синодъ, близъ почтоваго двора, у рогатокъ противъ аптеки, Макарій закричалъ караулъ, и просилъ караульнаго не давать вести его въ синодъ, а содержать у рогатокъ или отвести въ полицію, что караульный и исполнилъ, отведя его въ съѣзжій дворъ, откуда онъ былъ препровожденъ въ полиціймейстерскую канцелярію. Здѣсь онъ объявилъ, что бѣжалъ изъ синода для подачи челобитья въ кабинетъ ея величества объ отдачѣ ему спорныхъ его съ консистористами кіевскими писемъ, взятыхъ у него секретаремъ Дьяковымъ, и о томъ, чтобы его, вмѣстѣ съ письмами, представить въ кабинетъ ея величества. По требованію св. синода онъ однако былъ возвращенъ въ си-

нодальную канцелярію. 8-го генваря 1727 года св. синодъ опредѣлилъ: Макарія, за прежнія и нынѣшнія его продерзости—за побѣгъ изъ невскаго монастыря и изъ синодальной канцеляріи и за его ханжинскую бродню (за что по прежнимъ синодальнымъ опредѣленіямъ и тѣлесное наказаніе въ свѣтскомъ судѣ чинить повелѣно) сослать подъ арестомъ вологодской епархіи въ николаевскій Каменный монастырь, гдѣ содержать въ крѣпкомъ присмотрѣ, и въ монастырскихъ трудахъ по усмотрѣнію настоятеля до кончины жизни его неисходна. А противъ его писемъ, если по разсмотрѣнію преосв. Аѳанасія несходство въ церковныхъ послѣдованіяхъ явится, къ преосв. кіевскому Варлааму и черниговскому Иродіону отправить указы, чтобы они въ своихъ епархіяхъ смотрѣли накрѣпко, дабы никакого несогласія въ догматахъ церкви православной отнюдь не происходило, но во всемъ по преданіямъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ исполняемо было непремѣнно, а буде что сумнительно, о томъ бы прислали свои доношенія обстоятельно съ ясными показаніями немедленно. Въ дополненіе къ этому, св. синодъ, принимая во вниманіе, что Макарій къ дорожному пути не токмо шубы, но и обуви не имѣетъ, а между тѣмъ настоитъ время зимнее, 1-го февраля опредѣлилъ, дабы ему на пути отъ великихъ морозовъ и хлада не озябнуть, изъ наличной синодальной казны дать ему шубу и обувь, какую пристойно. 2-го февраля Макарій объявилъ за собою государево слово и дѣло, причемъ, вынувъ изъ-за пазухи незнамо какое письмо, говорилъ, что „въ томъ письмѣ есть великая важность“. Письмо въ пакетѣ за печатью Макарія доставлено было преосв. Ѳеофилакту и Георгію, а тѣ передали его кабинетъ-секретарю Макарову. Когда письмо въ присутствіи преосв. Георгія было распечатано Макаровымъ, въ немъ оказалась просьба Макарія о томъ, чтобы его представили въ верховный тайный совѣтъ. По докладѣ о томъ преосв. Георгія, синодъ обратился въ верховный совѣтъ съ запросомъ: доложена-ли эта просьба Макарія совѣту и по ней состоялось-ли въ немъ какое опредѣленіе? Не дожидаясь однако

резолюціи на свою просьбу, Макарій бѣжалъ въ третій разъ, но былъ догнанъ и схваченъ синодальными караульными солдатами. Св. синодъ 28 февраля 1727 года опредѣлилъ: наказать караульныхъ солдатъ за ихъ слабость плетьми, и повторилъ Макарову просьбу объ ускореніи резолюціи по письму Макарія. Марта 20 св. синодъ слушалъ отзывъ преосв. Аѳанасія (Кондоиди), епископа вологодскаго, которому, какъ греческому урожденцу, поручалъ разсмотрѣніе доношенія Макарія о несогласіи малороссійской, кіевской и черниговской церквей, съ *греческою* и великороссійскою, и опредѣлилъ: послать указы преосв. Варлааму и Иродіону, согласно преждесостоявшемуся опредѣленію отъ 8 генваря 1727 года. 23 марта преображенская канцелярія потребовала у синода свѣденій о Макаріѣ и присылки всѣхъ его писемъ. Экстрактъ изъ дѣла о Макаріѣ, его письма и отзывъ о нихъ Аѳанасія были немедленно же отосланы въ преображ. канцелярію. Разсмотрѣвъ все это, верховный тайный совѣтъ нѣсколько измѣнилъ резолюцію синода, опредѣливъ сослать Макарія не въ вологодскій Каменный, а въ корельскій Никольскій монастырь, что на Двинѣ, и держать его въ монастырѣ безъ караула. Такимъ образомъ Макарій былъ отправленъ и прибылъ по назначенію; но 6 сентября 1728 г. въ синодѣ получено доношеніе преосв. Варнавы, архіепископа холмогорскаго, о томъ, что Макарій дважды бѣжалъ изъ онаго монастыря, въ первый разъ былъ пойманъ и возвращенъ, а послѣ втораго—8 іюля—побѣга не найденъ. Прежде побѣга Макарій подавалъ на имя архимандрита монастыря просьбу, въ которой объяснялъ, что имѣетъ у себя письма, содержащія въ себѣ важности, которыя вѣдать надлежитъ только императорскому величеству, и чтобы онъ, архимандритъ съ братьей, отправилъ его въ городъ къ г. губернатору для отдачи тѣхъ писемъ. Іюня 13 св. синодъ опредѣлилъ было послать въ Москву, въ дикастерію и во всѣ епархіи указы о сыскѣ Макарія, какъ бѣглецъ былъ схваченъ въ Москвѣ и снова доставленъ въ синодъ. Здѣсь на допросѣ Макарій объяснилъ, что бѣжалъ онъ изъ монастыря, убоясь напрасно

погибнуть, такъ какъ отъ архимандрита монастыря видѣлъ въ пищѣ и прочихъ потребностяхъ не малую тѣсноту, и такъ какъ оный архимандритъ, не позволивъ ему жаловаться губернатору, объявилъ, что его велѣно здѣсь вершить. Пробывъ въ Москвѣ четыре дня, онъ пришелъ въ волнянскій монастырь харьковской епархіи, а оттуда въ ахтырскій, а отсюда въ харьковскій, а изъ этого—въ харьковскую академію, что близъ дома генералъ-фельдмаршала князя М. М. Голицына, который зналъ его въ бытность его въ богоявленскомъ монастырѣ. Фельдмаршалъ далъ ему деньги на дорогу и подорожную до Москвы за своею рукою; въ Москвѣ онъ прибылъ въ богоявленскій монастырь, архимандритъ котораго и отослалъ его подъ карауломъ въ дикастерію. Отданный снова подъ стражу въ синодальной канцеляріи, Макарій объявилъ, что имѣетъ при себѣ письма государственной важности, которыя принадлежатъ до разсужденія императорскаго величества, которыя поэтому онъ объявитъ только если не самому императорскому величеству, то господамъ министрамъ, присутствующимъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, или Игнатію, митрополиту коломенскому. Св. синодъ 20 іюня 1729 г. опредѣлилъ: „учиня экстрактъ изъ прежняго и выписку изъ нынѣшняго дѣла о Макаріѣ, съ приложеніемъ всѣхъ его писемъ въ копіи, подать въ верховный тайный совѣтъ съ требованіемъ, что съ такимъ неспокойнымъ чернцомъ его имп. величество учинить повелитъ“. Замѣчательно, что это доношеніе въ верховный тайный совѣтъ отослано было за подписью одного митрополита Игнатія, на котораго больше всѣхъ полагался Макарій. 21 іюня оберъ-прокуроръ Баскановъ словесно объявилъ отъ имени верховнаго тайнаго совѣта требованіе, чтобы о Макаріѣ представленъ былъ краткій экстрактъ, а самъ онъ держался подъ строжайшимъ карауломъ. Сначала колодника содержали въ хлѣбодарнѣ при синодѣ, но затѣмъ, вслѣдствіе прошенія синодальнаго сушиленнаго и чашника Сергія Бурлакова, жаловавшагося на стѣсненіе его въ его дѣлѣ чрезъ помѣщеніе въ хлѣбодарнѣ колодника, его перевели по опредѣленію синода отъ

9-го октября 1729 года въ петровскій, что въ Москвѣ, высокій монастырь. Когда солдаты вели его по Москвѣ на новое мѣсто его заключенія, Макарій у воскресенскихъ воротъ закричалъ караулъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ конвойными былъ взятъ на гауптвахту, гдѣ онъ подалъ запечатанное черною печатью письмо. По донесеніи о томъ св. синоду, оный опредѣлилъ: допросить всѣхъ караульныхъ солдатъ—какое то письмо, и откуда у него взялись матеріалы для написанія его, чьимъ попущеньемъ. 5 декабря 1730 получена въ синодѣ резолюція сената о старцѣ Макаріѣ, который изъ подъ караула бѣгалъ трижды и сказывалъ за собою дѣло государево неоднократно ложно: за его продерзости послать его въ дальній монастырь по усмотрѣнію синода, чернилъ и бумаги ему не давать, никакимъ письменнымъ и устнымъ показаніямъ его не вѣрить, и для оной ссылки отослать его въ сыскной приказъ, а что онъ доносилъ о несогласіи малороссійской церкви съ великороссійскою, о томъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ св. синодѣ. На вопросъ сыскнаго приказа—въ какой именно монастырь сослать Макарія, св. синодъ назначилъ (7 декабря 1730 г.) якутскій спасскій монастырь тобольской епархіи. Такъ рѣшена была судьба этого энергическаго ревнителя чистоты церковнаго ученія и порядковъ.

Не ранѣе, какъ чрезъ тринадцать лѣтъ однакожъ вспомнили о немъ, когда Ѳеофана, главнаго врага Макарія, уже не было въ живыхъ, и весь составъ синода былъ новый. Это былъ годъ вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. 19 декабря 1743 года, неизвѣстно по чьему именно почину, состоялось опредѣленіе св. синода: „по содержанію всемилостивѣйшихъ ея и. в. указовъ“ сосланному въ якутскій монастырь іеродіакону Макарію вину его отпустить, и буде пожелаетъ онъ быть въ иркутской епархіи, то въ томъ оставить быть на волю его, и ежели онъ, будучи въ якутскомъ монастырѣ, находился въ житіи воздержномъ, монашескому чину подобающемъ, то и іеродіаконская дѣйствовать ему позволить; буде же въ иркутской епархіи быть не

пожелаетъ, дать ему паспортъ до Москвы, гдѣ синодальная контора опредѣлитъ его въ монастырь, какой заблагоразсудитъ, въ братство; а въ какомъ онъ, Макарій, состояніи въ Якутскѣ находился, и нынѣ находится, и не чинилъ-ли тамъ будучи званію монашескому неприличныхъ поступковъ, о томъ преосв. Иннокентію прислать извѣстіе. Что касается доношенія Макарія о несогласіи малороссійской церкви съ великороссійскою (разсмотрѣнія по коему еще не учинено), изъ дѣла выписавъ обстоятельно, предложить впредь къ разсужденію въ полномъ собраніи св. синода незабвенно. (Протоколъ этотъ подписанъ Симономъ, епископомъ суздальскимъ, архимандритами: троицкимъ—Кирилломъ, рождественскимъ—Платономъ, ипатскимъ—Симономъ, Петромъ, протопопомъ благовѣщенскимъ, оберъ-секретаремъ Леванидовымъ и секретаремъ Словцовымъ). Но милость св. синода опоздала: святитель иркутскій Иннокентій, въ доношеніи отъ 15 іюня 1744 г. сообщилъ св. синоду, что іеродіаконъ Макарій, въ іюлѣ 1738 года былъ потребованъ имъ въ Иркутскъ „для объявленія“ себя, куда и отправился, но „будучи въ пути, заскорбѣлъ, 29 октября волею Божіею умре, и погребенъ въ Орленской слободѣ при церкви, съ отпѣваніемъ“.

V.

Такова вторая половина исторіи Макарія, со времени прибытія его въ Петербургъ, какъ она разсказывается въ синодальныхъ протоколахъ. Въ прошеніи, заготовленномъ Макаріемъ на имя императора Петра II, отнятомъ у него 9 октября, содержатся весьма любопытныя детали къ этой плачевной исторіи. Такъ оказывается, что Макарій служилъ не только при дворѣ царевны Наталіи, но и въ домѣ самого царевича Алексѣя Петровича; въ показаніи, данномъ въ тіунской конторѣ въ 1726 году, онъ объ этомъ умолчалъ, но предъ сыномъ своего благодѣтеля не утаилъ. Затѣмъ, когда изъ верховнаго тайнаго совѣта послѣдовало требованіе отъ синода списка содержащихся при немъ колодниковъ, съ показа-

ніемъ ихъ винъ, то о Макаріѣ въ этомъ спискѣ было сказано, что онъ содержится „за несогласіе съ церковію и за похуленіе вѣры", причемъ не было прибавлено: вѣры малороссійской и кіевской [1]): списокъ этотъ показывалъ ему, Макарію, и Максиму Пархомову, бѣлгородскому секретарю, копіистъ Ѳедоръ Поповъ, переписывавшій списокъ. „Я ли виноватъ, пишетъ между прочимъ Макарій, что кіевская церковь несогласна церкви восточной, не поляки ли, издавна правительствующіи кіевскою церковію и печатію, нарочно недопущающіе придти церкви кіевской въ первоначальное согласіе съ великороссійскою? А не допускаютъ они для того, что знаютъ древнее пророчество польское о Кіевѣ: ежели въ Кіевъ возвратится первое исправленіе церкви, которое нынѣ содержитъ Греція и Великороссія, то уже никогда не будетъ Кіевъ польскимъ, и того ради поляки доселѣ пишутся митрополитами и воеводами кіевскими". Далѣе Макарій разсказываетъ, что когда по поводу письма, которое онъ составилъ для верховнаго тайнаго совѣта (и которое, бывъ арестованъ, онъ положилъ предъ канцеляристомъ,—тотъ отдалъ его Ѳеофану, Ѳеофанъ—Меншикову, Меншиковъ—Ушакову), онъ былъ допрашиванъ Ушаковымъ, то на допросѣ онъ заявилъ: кіево-софійскій хлѣбенный начальникъ Гордій прислалъ къ нему въ хлѣбню съ такими словами: ты написалъ, что церковь кіевская во многихъ вещахъ согласна съ уніатами, а не вѣдаешь, что дѣлается въ синодѣ: Ѳеофанъ, теологъ латыно-римскій, списуется письмами съ польскимъ отступническимъ митрополитомъ Леономъ, чтобы благочестіе въ Русіи вовсе оповрещи и сдѣлати соединеніе. Макарій спрашивалъ Гордія бѣльца: кто тебя прислалъ съ такими рѣчами? Гордій отвѣчалъ: кто бы ни прислалъ, да только все конечно такъ и есть. Послѣ такого заявленія Ушаковъ хотѣлъ

[1]) Это заявленіе Макарія не подтверждается подлиннымъ дѣломъ синода о представленіи въ верховный тайный совѣтъ означеннаго статейнаго списка, дѣло № 50, 1726 г., гдѣ обозначено, что онъ взятъ за неимѣніе паспорта, при чемъ упоминается и о его письмахъ о несогласіи малороссійской церкви съ великороссійскою.

было потребовать письма Макарія къ разслѣдованію въ верховный тайный совѣтъ, но секретарь Степанъ Ивановичъ сказалъ: не надобно тѣхъ писемъ изъ синода брать, и такъ чрезъ Меньшикова взять тѣ письма въ верховный совѣтъ не допустили, а Макарія тайно посадили подъ караулъ, чтобы никто его не видалъ; и даже караульнымъ говорить съ нимъ запретили. Приходилъ затѣмъ къ нему подъ караулъ александро-невскій архимандритъ Петръ (ассесоръ синода) отъ лица Ѳеофана, и говорилъ: ты стоишь самъ не знаешь за что. Что врата царскія отворяютъ предъ литургіей— то церемонія, кто хочетъ отворяетъ, кто не хочетъ—не отворяетъ. И твое ли дѣло за вѣру стояти? Макарій отвѣчалъ: всякому благочестивому христіанину слѣдуетъ за вѣру стояти, яко же мученики и исповѣдники, и я готовъ за вѣру въ застѣнокъ идти. Петръ отвѣчалъ: а мы не пойдемъ! Послѣ этого визита Макарія перемѣстили въ маленькій чуланъ при судейской палатѣ, забивъ въ немъ окно, и стали морить его смрадомъ. Въ пасху велѣно было караульному сержанту никакихъ подаяній для Макарія не принимать. Но и того мало: напоивъ пьянымъ солдата, велѣли ему бить Макарія палицею ночью, что и было. Наконецъ снова перевели его въ колодничью при синодѣ. Приведя его сюда, положили предъ нимъ топоръ заплечнаго мастера, весь въ рудѣ, и подрядили Максимку, заплечнаго мастера, чтобы онъ каждый день являлся къ Макарію и предъ нимъ свой окровавленный топоръ воздвизалъ. Когда взяли его въ корельскій монастырь, то, согласно указу, сначала сняли съ него желѣза; но потомъ, отъѣхавъ, опять надѣли. Въ телѣгу его для сидѣнья и соломы не постлали; нѣсколько разъ въ пути его били, а когда встрѣчные спрашивали, кого везете, то отвѣчали: хульника вѣры, такого же какъ и Ѳедосъ, и на тоже мѣсто. Въ указѣ въ тотъ монастырь было сказано, чтобы его, Макарія, держать безъ караула въ обыкновенной монашеской кельѣ и позволить ему свободно ходить въ церковь, и пищею пользоваться обыкновенною братскою; но послѣ Ѳеофанъ прислалъ указъ, чтобы не давать ему ни кельи, ни обыкновенной пищи, ни

платья, а посылать въ работы тяжкія, бить дубиною. Однажды архимандритъ монастыря (по имени Павелъ) двѣ недѣли держалъ его въ цѣпи. Пищу братскую ему давали въ полы, платья и кельи ему не дали; держа его то со злодѣи, то съ сторожами. Архимандритъ ему говорилъ: мы бы рады тебя избыти; а въ другой разъ сказалъ: тебя здѣсь велѣно вершить. Съ тѣхъ словъ убѣжавъ изъ монастыря, „чтобы члены синода—поляки—за похуленіе еретичества на совершенную радость еретиковъ напрасно въ тюрьмѣ его не уморили“, Макарій хотѣлъ было немедленно подать свою жалобу государю; но архим. Маркеллъ Родышевскій ему говорилъ: пожди, что со мною сдѣлается (въ это время Маркелъ Родышевскій уже велъ свою борьбу съ Ѳеофаномъ).

„Да соберетъ себѣ ваша благочестивая благость, заключаетъ свое прошеніе Макарій, преподобныя своя мужи, духовнаго и мірскаго чина, рожденныхъ и воспитанныхъ въ благочестіи, вѣдущихъ законъ благодати и истины, ревнующихъ по правдѣ Божіей и святыхъ его, трепещущихъ суда Божія, не зрящихъ на лица, да праведнымъ судомъ судятъ и изслѣдствуютъ моя писанія, яко дѣло Божіе: а именно архіерея коломенскаго Игнатія, суздальскаго архіерея Іоакима, нынѣшняго чудовскаго архимандрита, протопопа успенскаго, ключарей архангельскаго и благовѣщенскаго соборовъ, архимандрита знаменскаго, болярина Ивана Михайловича Головина, учителя Никифора Кондратовича, да учителя Леонтія Магницкаго, да приходскаго священника Ивана Васильева, что въ Кобыльской. А латыно-римскихъ присяжниковъ на судѣ чтобы не было. А въ синодъ оныхъ писемъ не отдавать и отнятыя письма мои отъ нихъ взять. И опредѣлить меня по прежнему въ богоявленскій монастырь“.

Мы уже видѣли, какой исходъ имѣли эта и другія просьбы Макарія.

VI.

Такова въ общихъ чертахъ плачевная исторія іеродіакона Макарія, которая находитъ себѣ объясненіе конечно прежде всего

въ нравахъ и узаконеніяхъ эпохи, но въ тоже время представляется явленіемъ необычайнымъ, исключительнымъ, и заставляетъ искать для себя другихъ причинъ, болѣе внутреннихъ и сокровенныхъ. Очевидно Макарій самъ по себѣ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ простодушнымъ искателемъ религіозной истины, въ родѣ инока Евѳимія, которыми изобиловала Москва лѣтъ за пятьдесятъ предъ тѣмъ, въ эпоху споровъ о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи. Помимо всякаго своего желанія и воли, онъ затѣмъ сдѣлался игрушкой страстей, центромъ борьбы, происходившей въ его время въ высшихъ церковныхъ сферахъ, борьбы, въ которой ему приходилось быть безсознательнымъ орудіемъ интриги съ одной стороны, и ничѣмъ незаслуженный ненависти съ другой. Что касается страсти его къ богословскимъ преніямъ, этого неудержимаго желанія добиться „въ какой силѣ состоитъ благочестіе“ тамъ и здѣсь, въ Кіевѣ и на Аѳонѣ, въ Малороссіи, Москвѣ и Петербургѣ, то будучи явленіемъ высокимъ и отраднымъ сама по себѣ, въ глазахъ тогдашняго общества она была анахронизмомъ, по нѣкоторымъ причинамъ не безопаснымъ для Макарія. Богословскіе споры въ обществѣ русскомъ давно уже замолкли; догматическая борьба Ѳеофана съ Стефаномъ Яворскимъ окончилась уже много лѣтъ тому назадъ торжествомъ Ѳеофана: престарѣлый мѣстоблюститель патріаршаго престола долженъ былъ смиренно просить извиненія у своего противника, который теперь самодержавно царилъ въ области богословія и крайне неблагосклонно смотрѣлъ на появленіе какихъ бы то ни было религіозныхъ разсужденій не основывавшихся непосредственно на его твореніяхъ. Вся религіозная жизнь сосредоточивалась теперь въ практическихъ церковныхъ реформахъ, въ осуществленіи тѣхъ церковно-бытовыхъ преобразованій, проэкты которыхъ въ такомъ изобиліи выходили изъ подъ пера синодальнаго вице-президента. Возбуждать вновь вопросъ о чистотѣ богословскаго ученія, содержимаго страной, изъ которой вышли и гдѣ долго профессорствовали и ректорствовали представители высшей церковной власти, значило не только идти противъ установив-

шагося теченія религіозной жизни, но и затрогивать въ ней только что заживленное больное мѣсто. Эта попытка Макарія возбудить вновь богословскіе споры была тѣмъ непріятнѣе для Ѳеофана, что она не была простымъ сумасбродствомъ, въ родѣ проповѣди Талицкаго и Левина, а была дѣломъ человѣка серьезнаго, глубокоубѣжденнаго и довольно компетентнаго въ богословіи. Отчасти Кіевъ, но главнымъ образомъ богоявленскій монастырь, давшій нѣкогда знаменитаго игумена Илію, побѣдившаго на состязаніяхъ въ книжной палатѣ при патріархѣ Филаретѣ самого Лаврентія Зизанія, снабдили Макарія и достаточною логическою зрѣлостію, и діалектическимъ умѣніемъ и эрудиціею, а его энтузіазмъ и горячность дѣлали его небезопаснымъ въ состязаніяхъ даже для самаго Ѳеофана, если бы онъ благоволилъ снизойти до состязанія съ іеродіакономъ. Хотя Стефанъ Яворскій и былъ побѣжденъ, и извинился предъ побѣдителемъ, тѣмъ не менѣе протестантская окраска богословскихъ воззрѣній и церковныхъ реформъ Ѳеофана замѣчалась многими. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и по внѣшнимъ своимъ связямъ Макарій не былъ настолько незначителенъ, чтобы его можно было игнорировать, когда онъ выступалъ съ какими либо заявленіями. Вызванный въ александро-невскій монастырь „въ надежду архіерейства“, онъ былъ знакомъ съ нѣсколькими архіереями, имѣлъ нѣкоторыя связи въ придворныхъ сферахъ, былъ лично извѣстенъ Петру I, пользовался покровительствомъ и пріязнію вельможъ (напримѣръ свѣтлѣйшаго Голицына), зналъ съ лицами, открыто агитировавшими противъ Ѳеофана, каковъ Родышевскій; его знали и въ сенатѣ и въ синодѣ, и въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и въ преображенской канцеляріи и во дворцѣ (гдѣ у него было много земляковъ). Но вслѣдъ за тѣмъ оказывалось, что Макарій всѣмъ своимъ прошлымъ былъ неразрывно связанъ съ партіей, враждебной существовавшему въ то время церковному и политическому режиму. Выдвинутый впередъ Стефаномъ Яворскимъ, онъ былъ до нѣкоторой степени близкимъ человѣкомъ при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, при царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Это былъ человѣкъ старо-русской партіи, по-

давленной, но не истребленной, хотя и не былъ въ ней крупною, выдающеюся личностію. Этимъ объясняется вражда къ нему Θеодосія Яновскаго, который не любилъ его также за страсть къ богословскимъ преніямъ, за что Макарій съ своей стороны называлъ его еретикомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ враги Макарія могли почерпать какъ мотивъ для его преслѣдованія, такъ и средства для побѣды надъ нимъ.

Какъ бы то ни было, неимѣніе при себѣ Макаріемъ паспорта само по себѣ не было достаточно для того, чтобы вызвать тѣ истязанія, какимъ подвергался онъ въ синодѣ. Точно также изъ синодальныхъ протоколовъ видно, что его письма не были основаніемъ для этихъ истязаній,—напротивъ, они, какъ мы видѣли, вызвали указъ св. синода преосвященнымъ Варлааму кіевскому и Иродіону черниговскому. Его мучили за то, что онъ былъ неспокойный чернецъ, не хотѣвшій, не будучи осужденнымъ и не считая себя въ чемъ-либо виновнымъ, быть въ положеніи преступника и томиться въ самой ужасной тюремной обстановкѣ.

Гдѣ же источникъ непомѣрныхъ злополучій, постигшихъ Макарія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самъ Макарій въ одномъ изъ своихъ прошеній къ гражданскимъ властямъ, которое начинается словами: „Вашему владычеству и великосильному благочестію молюся, дабы престало на мнѣ гоненіе и мучительство *отъ архіепископа Θеофана новоградскаго и поляковъ кіевскихъ* за похуленія латино-римскія отступническія вѣры“. И такъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бѣдствія Макарія—дѣло рукъ Θеофана. Кромѣ тѣхъ общихъ причинъ, которыя указаны были выше, Θеофанъ имѣлъ съ 1727 года особыя побужденія отнестись враждебно къ Макарію. На одномъ изъ допросовъ Макарій показалъ, какъ мы видѣли, что имѣлъ свиданіе съ судіею новгородскаго архіерейскаго дома Маркелломъ Родышевскимъ, которому показывалъ и свои письма о несогласіи малороссійской церкви съ великороссійскою. Маркелъ одобрялъ эти письма и совѣтовалъ Макарію подать ихъ въ синодъ, рекомендуя лишь выждать исхода собственнаго его, Маркелла, дѣла съ Θеофаномъ, производившагося въ это время въ синодѣ и въ тай-

ной канцеляріи. Маркеллъ Родышевскій, прежде подчиненный и доброжелатель Ѳеофана, въ это время былъ его заклятымъ врагомъ и орудіемъ интриги, которую вели противъ Ѳеофана Георгій Дашковъ съ товарищами. Въ это именно время происходило страшное для Ѳеофана разслѣдованіе о расхищеніи Маркелломъ имущества псковскаго печерскаго монастыря, совершившемся въ бытность Ѳеофана епископомъ псковскимъ. Затѣмъ обвиненія, которыя предъявлялъ Макарій въ своихъ письмахъ на южно-русскую церковь, были отчасти тѣ самыя, которыя Маркеллъ взводилъ на Ѳеофана въ своемъ сочиненіи „о житіи еретика Ѳеофана Прокоповича“, разсказывая, какъ и какія ереси распространялъ Ѳеофанъ въ бытность свою въ Кіевѣ [1]). Письма Макарія до того отвѣчали интересамъ враговъ Ѳеофана, предводимыхъ Маркелломъ, что мы готовы были бы предположить преднамѣренную вражду со стороны Макарія противъ Ѳеофана, если бы для такого предположенія было бы хоть малѣйшее основаніе въ данныхъ содержащихся въ дѣлѣ... Но если Макарій и не былъ врагомъ Ѳеофана въ началѣ, и, пиша свои письма о южно-русской церкви, не имѣлъ никакой задней мысли, а хотѣлъ лишь служить православію, то во всякомъ случаѣ эти письма могли обратиться въ рукахъ враговъ Ѳеофана въ новое оружіе противъ него. Понятно, что Ѳеофанъ не могъ дать хода письмамъ Макарія, а на самого его взглянулъ какъ на своего личнаго врага. Потому-то такъ ожесточенно отнеслись къ Макарію кіевскіе консистористы, между которыми конечно не мало было сторонниковъ Ѳеофана; потому-то Ѳеофилъ Кроликъ, чудовскій архимандритъ, другъ Ѳеофана, всѣми средствами, и убѣжденіями и насиліемъ, старался, какъ заявлялъ Макарій, не допустить его съ его письмами до Петербурга. А когда Макарій все-таки, убѣжавъ изъ подъ стражи, отправился въ С.-Петербургъ, Кроликъ, располагая конечно средствами болѣе быстраго сообщенія съ Петербургомъ, далъ знать о томъ Ѳеофану

[1]) Подробнѣе смотри объ этомъ подлежащія главы въ сочиненіи И. А. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время».

(на что есть прямое указаніе въ дѣлѣ), который безъ всякаго сомнѣнія и подготовилъ Макарію столь непріятную встрѣчу на ижорской заставѣ. Разъ попавши въ руки Ѳеофана, въ синодальную тюрьму, Макарій уже не могъ выбраться изъ нея благополучно. Не смотря на совершенную свою невинность и совершенную справедливость, какъ увидимъ, своихъ заявленій относительно малороссійскаго церковнаго быта, не смотря на очевидное сочувствіе и отчасти покровительство ему и въ синодѣ и въ сенатѣ, и въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, и въ полиціймейстерской канцеляріи, никто не могъ ничего для него сдѣлать, такъ какъ онъ былъ „непокойный чернецъ“, который подлежалъ юрисдикціи церковнаго правительства, „утеклецъ“, который за свою „ханжинскую бродню“ долженъ былъ быть подвергнутъ суду синода, т. е. Ѳеофана. Напрасно доказывалъ Макарій, что въ его письмахъ содержится „государственная важность“: отступленія отъ чинопослѣдованій православной церкви на югѣ подлежали юрисдикціи синода, а не высшихъ государственныхъ учрежденій, къ которымъ пробовалъ апеллировать Макарій. Иногда мелькалъ для узника слабый лучъ надежды на помощь со стороны гражданскихъ властей,—это тѣ моменты въ борьбѣ Ѳеофана съ его врагами, когда шансы успѣха склонялись на сторону послѣднихъ. Но—одинъ ловкій оборотъ со стороны Ѳеофана, шансы эти опять склонились на его сторону, и опять потеряна надежда: просьбы Макарія на имя Петра II, на имя верховнаго тайнаго совѣта о разсмотрѣніи его дѣла, о защитѣ противъ Ѳеофана, передаются на разсмотрѣніе самому Ѳеофану, который, понятно, не даетъ пощады своему малосильному противнику. Въ прошеніи на имя императора Петра II Макарій жалуется, что когда онъ былъ сосланъ въ корельскій монастырь, въ которомъ синодальнымъ указомъ велѣно было его содержать безъ караула и на обычномъ монастырскомъ коштѣ, то Ѳеофанъ прислалъ отъ себя настоятелю особый указъ, которымъ предписывалось не давать Макарію ни кельи, ни пищи монашеской, ни платья, и посылать его въ тяжкія монастырскія работы, а за неповиновеніе са-

жать на цѣпь и дубиною бить. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если вспомнимъ, какъ вообще велъ борьбу съ своими врагами Θеофанъ [1]).

VII.

Какъ бы то ни было, что касается доношеній Макарія относительно отступленій южно-русской церкви отъ великорусской въ чинѣ богослуженія и церковныхъ обычаяхъ, то они безъ всякаго сомнѣнія заслуживаютъ вниманія большаго, чѣмъ какое было имъ въ свое время оказано. Заявленія эти, имѣющія весь характеръ несомнѣнной достовѣрности, констатируютъ нерѣдко разности весьма существенныя; простодушный и вполнѣ безъискусственный разсказъ Макарія рисуетъ яркую картину южно-русской церковной жизни въ такихъ частностяхъ и деталяхъ, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ другихъ, извѣстныхъ до настоящаго времени матеріалахъ. Доношенія Макарія имѣются въ дѣлѣ въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ копію съ доношенія, взятаго у него при первоначальной поимкѣ его на ижорской заставѣ, другой—копію же со втораго доношенія, писаннаго имъ въ заключеніи при синодѣ, представляющаго почти точное повтореніе перваго доношенія, лишь съ нѣкоторыми сокращеніями и дополненіями. Къ сожалѣнію копіи эти, списанныя въ синодальной канцеляріи, крайне неисправны: по мѣстамъ, именно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ то польскою, то малороссійскою рѣчью, переписчикъ, не знавшій ни того, ни другаго языка, искажаетъ подлинникъ до полной невозможности возстановить его смыслъ. Мы передадимъ здѣсь изъ обоихъ доношеній лишь нѣкоторую часть, что могли разобрать, опуская тѣ доводы, которыми авторъ опровергаетъ своихъ противниковъ, равно какъ аргументы, на которыхъ онъ основываетъ свои личныя понятія.

Оба доношенія начинаются выраженіемъ чувства благопокор-

---

[1]) См. Историч. и критич. опыты Н. Барсова, т. I, стр. 117—118.

ливости св. синоду, какъ верховному и призванному охранителю чистоты вѣры православной, и указаніемъ на тѣ основанія, по которымъ онъ, Макарій, позволяетъ себѣ обратиться въ синодъ съ выраженіемъ своего сумнительства относительно чистоты ученія и обрядовъ церквей кіевской, черниговской и малороссійской. „Въ ваши государственнѣйшіи и превосходительнѣйшіи руцѣ вдаю сей свитокъ токмо до здраваго вашего разсужденія, а не въ доношеніе; аще же что въ немъ обрящется несогласно восточной церкви, то вѣдаю, что можете въ согласіе привести; аще явится вредно, то и да уничтожите. Обаче молю ваше великое и сильное благочестіе не облѣнитися разсмотрѣти и разсудити чинъ и таинства кіевскія, черниговскія и малороссійскія церкви, понеже въ нынѣшнее время кореніе есте благочестія и хранители вѣтвій. Того бы ради и дерзнухъ вашей благости, яко отцемъ богомудрымъ, сумнительства моя въ разсужденіе принести“. „На объявленіе противностей въ печатныхъ кіевскихъ книгахъ его, Макарія, уполномочиваютъ синодальные указы печатные,—изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ регламентахъ духовныхъ, другой въ Малороссіи вездѣ по воротамъ (церковнымъ?) прибитъ,—велѣно людямъ всякаго чина подсматривати въ кіевскихъ книгахъ погрѣшенія и доносити въ синодъ“. „Какъ священному іерею, такъ и простому мірянину и всякому православному подобаетъ прилежное тщаніе имѣти, дабы вѣдати, како божественныя литургія таинства совершаются“. Разности малороссійской церкви отъ великороссійской Макарій указываетъ слѣдующія:

1) Въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ въ Малороссіи въ воскресенье попы, раздавая антидоръ, приказываютъ прихожанамъ приносить попадьямъ муки по блюду на просфоры, „какую себѣ мелете на пироги“. Затѣмъ берутъ изъ квашни кислаго ржанаго тѣста, къ нему примѣшиваютъ равную часть пшеничной муки, а когда закиснетъ, то прибавляютъ еще такую-же часть пшеничной муки, такъ что въ тестѣ, изъ котораго дѣлаются просфоры, содержится одна третья часть муки ржаной или житной

(ячменной) и двѣ — пшеничной. Такимъ образомъ въ составъ просфорнаго тѣста входятъ дрожжи, въ которыхъ содержится хмѣль, и весь соръ, что бываетъ въ дрожжахъ пивныхъ („не вельми-то чисто вокругъ пива ходятъ“) входитъ и въ просфорное тѣсто. Иногда же у калашниковъ покупаютъ на просфоры тѣсто изъ посполитыхъ дворовъ, „и съ чѣмъ смѣшана мука въ томъ тѣстѣ, и на чемъ его заквашиваютъ, и какая въ нихъ чистота — кто ихъ вѣдаетъ“? А просфорѣ слѣдуетъ быть изъ одной самой чистой пшеничной муки, ибо просфора, изъ которой берется агнецъ, знаменуетъ чистую Дѣву, изъ которой родился Господь. Служатъ на двадцати просфорахъ и больше. Иногда служатъ на просфорахъ оцѣпенѣлыхъ, семидневныхъ и пятнадцатидневныхъ, а просфора должна быть всегда свѣжая, ибо она знаменуетъ здравую Дѣву, изъ которой родился Христосъ. („Бываетъ такая болѣзнь на людяхъ, что весь оцѣпенѣетъ, и лежитъ недвижимъ, токмо душа въ немъ; и бѣсніи оцѣпенѣваютъ. Къ чему такіе люди годятся?“). Необходимо, чтобы просфоры изготовлялись не попадьями или просвирнями для каждой церкви отдѣльно, а одною просвирней въ городѣ, у которой и можно было-бы покупать попамъ просфоры всегда свѣжія, изъ чистой пшеничной муки. Затѣмъ: не имѣютъ блюдцевъ, на которыя-бы полагался агнецъ и богородична часть; изъ одной просфоры вынимаютъ части и за здравіе и за упокой. Вино на евхаристіи употребляютъ кислое съ плесенью; чтобы плесень не попала въ потиръ, пропускаютъ вино чрезъ платъ. Вино слѣдуетъ для таинства употреблять красное, какъ имѣющее видъ крови; малороссіяне-же употребляютъ вино бѣлое, слѣдуя въ этомъ случаѣ обычаю поляковъ — католиковъ. Вино, какъ и муку, покупаютъ въ шинкахъ у жидовъ; а жидъ лютѣйшій врагъ христіанъ, и пакоститъ христіанамъ паче самаго дьявола, не спакостивши и не осквернивши — не продаетъ вина, ибо знаетъ, что оно покупается для таинства. Вино вливаютъ въ потиръ неодновременно съ равною частію воды, а дѣлаютъ такъ: купятъ вина четвертную или полведра, и скажетъ попъ пономарю: влей же по-

номарь воды въ вино, капли двѣ или три, ибо больше вліешь, скоро скиснетъ. Какова же то мѣра вливанія воды? Нужно вливать въ одно время, во время совершенія таинства, по равной части вина и воды, тогда только таинство совершится правильно, какъ указано церковными канонами.

2) Въ черниговскихъ служебникахъ, максимовичевыхъ, не напечатано: *покры небеса добродѣтель твоя, хвалы твоея исполнися земля.* По часѣхъ, написано, отворяти (и отворяютъ) царскія врата и говорити отпустъ; говоря: „благословенно царство", Евангеліемъ антиминса не крестятъ; на первомъ ходѣ, идучи мимо предложенія, говоритъ діаконъ: *благослови владыко предложенная,* и попъ креститъ предложенная, и Евангеліе несетъ тыломъ къ людямъ, и діаконъ входъ не показуетъ, а попъ не креститъ входа, но діаконову главу. Когда попъ служитъ безъ діакона, то входа крестомъ не осѣняетъ и царскихъ вратъ не цѣлуетъ. *Господи, спаси благочестивыя*— не напечатано и не говорятъ; по трисвятомъ къ горнему мѣсту идутъ — дьяконъ — куда слѣдуетъ попу, а попъ—куда дьякону; по апостолѣ дьяконъ самъ беретъ Евангеліе съ престола и велегласно говоритъ у престола: *благослови владыко,* а попъ отвѣтствуетъ велегласно: *Богъ, молитвами...* Предъ Евангеліемъ *миръ всѣмъ* не говорятъ. По Евангеліи святыхъ вратъ затворятъ не напечатано, и не затворяютъ. На перенесеніи даровъ діаконъ дискосъ несетъ не на головѣ, а предъ собою, и говорятъ: *всѣхъ васъ православныхъ христіанъ* прежде чѣмъ поминаютъ великодержавныхъ; по херувимской горнихъ дверей затворяти не напечатано, и не затворяютъ, и завѣсой внутренней не заслоняютъ; діаконъ, входя и исходя, престола не цѣлуетъ и стоитъ всю литургію по лѣвой сторонѣ попа. Попъ стоитъ опершись на престолъ, и діаконъ кладетъ на престолъ руки; на престолѣ кладутъ служебникъ, обложенный скотскою кожей; да и Евангеліе, находящееся на престолѣ, индѣ бываетъ обложено скотскою-же кожей; на престолѣ же кладутъ разныя непотребныя вещи: книги разныя, ладанъ въ ящикѣ, иногда просфоры, подсвѣчники—пять-

шесть, разныя бумажныя украшенія, утиральники, подканки и шапки, и вообще кладутъ на престолъ кто что хочетъ невозбранно; облачаясь и разоблачаясь, попъ свое платье кладетъ на престолъ же; неосвященные касаются престола и опираются на него. Покрываломъ престола никогда не покрываютъ. Развѣ они о величествѣ престола не разумѣютъ, что должныя чести ему не воздаютъ? Писарь софійскій, Ладинскій, консистористъ, отъ лица консисторіи въ ея собраніи говорилъ, что приказываетъ слугѣ: скажи пономарю, чтобы поставилъ среди престола два кувшина съ цвѣтами.

3) Въ кіевскихъ книгахъ — *Требникъ Могилы, Миръ съ Богомъ, Ключъ разумѣнія, Поученье на крещенье* и др., также въ книгахъ виленскихъ, могилевскихъ, львовскихъ—напечатано, что пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову совершается словами: *пріимите, ядите...*, послѣ которыхъ уже не хлѣбъ и вино, а тѣло и кровь Христовы,—тоже значится и въ книгахъ черниговскихъ, барановичевскихъ. Такъ и митрополитъ уніатскій Леонъ Кишка утверждаетъ, что слова: *сотвори убо хлѣбъ сей* и пр. въ литургіи Іакова не было и въ первый разъ эти слова явились въ литургіи Василія и Златоуста. Бранятъ просвѣтителя церкви, святѣйшаго Никона: онъ-де выдумалъ, что пресуществленіе совершается послѣ словъ: *сотвори убо*, а до него и въ великой Россіи думали, что пресуществленіе совершается словами: *пріимите, ядите.* Въ служебникахъ Могилы, Іосифа Тризны напечатано какъ и въ уніатскихъ, виленскихъ и ливонскихъ книгахъ: зри, іерее, да немного вліеши теплоты, токмо каплю едину и за великую нужду—другую. И такъ дѣлаютъ вездѣ въ Малороссіи. Но какое же тѣлу и крови отъ единой капли ощущеніе, оживленіе и воскресеніе? Мало не половина потира—тѣло и кровь, а въ соборахъ, особенно въ великое говѣніе, и полонъ. А теплоты токмо капля едина! А кто теплоты не растворяетъ, тотъ плоть и кровь Христову мертву творитъ. Попъ и діаконъ крови причащаются токмо по разу. При этомъ не говорятъ ни ирмоса, ни стиховъ, ни *омый, Господи, грѣхи здѣ поминавшихся*, и

въ книгахъ ничего того не напечатано. А въ супрасльскихъ служебникахъ и слѣдъ теплоты заглажденъ. Молитва: *Благодаримъ тя, Владыко человѣколюбче,* въ черниговскихъ служебникахъ не напечатана. Приходилъ ко мнѣ во узилище Кохановскій съ іеромонахомъ Евѳиміемъ отъ лица консисторіи и говорили: что ты бредни написалъ? Богъ можетъ и безъ теплоты тѣло и кровь оживити, и безъ стихиры и ирмоса и безъ стиховъ, и то (что ты написалъ) вымыслы непотребные. Ежели такъ, то и литургія вся вымыселъ непотребный.—Попу простому поютъ: *ис полла эти деспота.* По за амвонной молитвѣ бываютъ молебны и панихиды; послѣ *буде имя Господне... Слава отцу...* не говорятъ; по псалмѣ говорятъ „*премудрость*“.

На литургіи и на вечерни на выходѣ попъ фелони не опущаетъ, бо подрѣзанъ по самыя груди, и нечего опущать.

На утрени и на вечерни предъ отпустомъ *утверди Боже благочестивѣйшаго* не говорятъ никогда; на вечернѣ говорятъ лишь *честнѣйшую,* а на утрени: *утверди Боже св. православную вѣру* лишь по праздникамъ, въ будни же послѣ *сый благословенъ — пріидите поклонимся.* На литію отворяютъ св. врата и вжигаютъ свѣтильники на престолѣ; на полунощницѣ не говорятъ молитвы: *Всемогущая Троица. Богъ Господь* поютъ всегда пять разъ, а антифоны на утрени — по разу, безъ *слава и нынѣ; благословенъ еси Господи* поютъ прежде *Хвалите имя.*

4) Въ символѣ вѣры напечатано въ молитвенникѣ Могилы, а также въ виленскихъ, кизелянскихъ и львовскихъ — *истиннаго,* а въ нѣкоторыхъ *насъ для человѣковъ* и *нѣсть конца.* А устно, когда читаютъ символъ, грамотные и неграмотные, то говорятъ и *истиннаго,* и никто имъ не возбраняетъ. Юстиніанъ царь молился пятому собору, чтобы приложить въ символѣ *и Приснодѣвы Маріи,* но отцы собора того не сдѣлали, и даже клятву обновили, чтобы въ символъ никейскій ничего не прикладывати и не отметати.

5) Великороссіяне именуютъ малороссіянъ обливанцами, и справедливо, ибо тремя ложками воды замѣняютъ купель крещенія. А обливаніе не довольно для крещенія... На новокрещаемаго креста не возлагаютъ. И когда на страшный судъ они безъ креста предстанутъ, то и не вѣдомо будетъ, чьи они.

6) По приходскимъ церквамъ въ алтарь пускаютъ двоеженцевъ и троеженцевъ, которые стоятъ около престола и книги свои кладутъ на престолъ, сами упираются на престолъ и въ таинства смотрятъ. По недѣлямъ и по праздникамъ попы призываютъ двухъ малыхъ хлопцовъ въ алтарь, и говорятъ: служите со мною, и облачаютъ ихъ въ стихари дьяконскіе и препоясуютъ ихъ орарями крестообразно, даютъ имъ свѣчи, и стоятъ они опершись на престолъ чрезъ всю литургію. И откуда они имѣютъ такое благословеніе? Они же даютъ по домамъ воду, которою попы и дьяконы измываютъ руки по литургіи, будто отъ трясавицы. На артосахъ пишутъ икону воскресенія, а въ субботу свѣтлую всю ту икону и ликъ Христа ножемъ изрѣжутъ,—архіерею отдаютъ голову, намѣстнику ноги... Я имъ говорилъ: зачѣмъ рѣжете икону? Отвѣчаютъ: такая у насъ вѣра? Кохановскій говорилъ: греки, к..... с..., нашли троеручицу и прельстили простой народъ. Тотъ же Кохановскій при капитанѣ Телечинѣ говорилъ: Да для чего они же, греки, покланяются Аѳанасію аѳонскому, какъ святому, когда онъ давалъ дани чертямъ на годъ по сту четвериковъ бобу, и какъ того бобу у чертей не станетъ, они кричатъ: давай, Аѳанасій, бобу, а то разоримъ монастырь!

7) По приходскимъ церквамъ пономарь приноситъ въ алтарь просфоръ кадь большую, и поставляетъ на лавку при горнемъ мѣстѣ и копіемъ вынимаетъ части, и на обѣднѣ людяхъ раздаетъ. По заупокойнымъ обѣднямъ бываютъ приносимы мясные и молочные пироги и поставляютъ на литургіи среди амвона или предъ иконою мѣстною; иные попы тѣ приносы хранятъ въ алтаряхъ, а правила возбраняютъ пищѣ и питію входити въ алтарь, кромѣ требъ жертвенныхъ.

8) Единому гласу подобаетъ быть въ церкви; яко же есть едино тѣло Христово, тако и дѣйство въ церкви, еже со страхомъ стояти и внимати чтомое и глаголемое. Кіевляне же и малороссіяне, идучи на правило церковное, всякъ грамотный книгу свою несетъ и читаетъ на правилѣ церковномъ. Таковы обычаи свойственны костеламъ люторскимъ и польскимъ, и не дивно имъ, бо суть богоборцы, а не богомольцы, не токмо молитва ихъ имъ въ грѣхъ, но и жертва ихъ мерзка и проклята.

9) Іосифъ Волчанскій отъ лица игумновъ кіевскихъ, за пунктъ флоренцскаго собора вскочивши, говорилъ: о брешешь, жертва ихъ также важна, какъ и благочестивыхъ. Елико разнствуетъ человѣкъ ятвый съ умомъ и съ душею отъ человѣка—трупа, только разнствуетъ хлѣбъ квасный съ солію отъ опрѣснока. Опрѣснокъ явился въ церкви западной не просто: онъ содержитъ въ себѣ ересь Аполлинарія, который училъ, что Христосъ былъ несовершенный человѣкъ и души человѣческой не требовалъ, — вмѣсто души въ Немъ было Божество.

10) Варсонофій Гуторовичъ, намѣстникъ кіево-софійскій, полякъ, отъ лица игуменовъ кіевскихъ говорилъ: ничего, что римляне и поляки исповѣдуютъ отъ Отца и Сына исходяща Духа. Онъ же говорилъ: папа пишется въ своихъ земляхъ главою церкви, а вашъ имѣетъ и всего свѣта главою церкви писатися.

11) Издревле и нынѣ во всей Польшѣ народъ имѣетъ обыкновеніе въ Кіевѣ исповѣдаться и причащаться, особенно отъ 1-го до 10-го мая, въ годъ тысячъ двѣсти бываетъ въ Кіевѣ у исповѣди и причастія. Ежели кіевляне, исповѣдаючи еретиковъ, разрѣшаютъ имъ еретичествовать, то могутъ и кіевляне у еретиковъ исповѣдаться и причащаться, потребно вслѣдъ за общеніемъ быть и единенію. Елевѳерій Ладинскій, писарь софійскій, говорилъ: почему ты знаешь, что священникъ католическій неосвященный? Освященіе ихъ также важно какъ и благочестивыхъ. А зачѣмъ же, когда кто изъ правовѣрныхъ захочетъ учиться въ школѣ у римлянъ,

то прежде долженъ отречься отъ своего правовѣрія, проклясть его и обѣщать вездѣ его разорять?

12) Въ Польшѣ по всѣмъ епархіямъ по вся лѣта бываютъ съѣзды о утвержденіи еретичества и на тѣхъ скверныхъ соборищахъ говорятъ такія слова: уже то Господь Богъ надъ нами умилосердился! началъ нашу землю намъ вспять возвращати! Подобаетъ же и Господу Богу за тое каковую жертву принести! А каковой Богъ жертвы требуетъ отъ насъ? Таковой, дабы былъ весь свѣтъ соединенъ съ Римомъ. И вамъ, господамъ, приказуемъ, дабы есте давали помощь посланнымъ, которые будутъ превращати всѣхъ въ соединеніе римское, паче же въ новоотданной черкасской земли. И ѣздятъ попы еретическіе по городамъ и селамъ (Малороссіи) и служатъ свои еретическія обѣдни по церквамъ на престолѣхъ со псами (?) и трубами, а поповъ заставляютъ внѣ алтаря на столѣ обѣдню читанную служити, токмо на единомъ агнцѣ, и при концѣ обѣдни еретическіе попы поученіе говорятъ— о соединеніи съ римляны, и при концѣ поученія говорятъ такіе слова. „Ну, отче попе, и вы, люди! принимаете ли синодъ флорентійскій за синодъ святый?“ Попъ и люди отвѣщаютъ: пріимаемъ! „Вѣрите ли, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына?“ Отвѣчаютъ: вѣримъ. „Вѣрите ли, что такъ же важна жертва на прѣсномъ хлѣбѣ и безъ соли, якоже на квасномъ съ солью?“ Попъ и народъ отвѣчаютъ: вѣримъ. „Вѣрите-ли, аще и еретикъ приноситъ ту жертву, то также важна, какъ и жертва благочестивыхъ?“ Отвѣчаютъ: вѣримъ. „Вѣрите ли, что въ словахъ *пріимите ядите*... хлѣбъ пресуществуется въ тѣло Христово? Вѣрите ли въ огнь чистительный по смерти? Пріимаете-ли св. отца папу римскаго за главу церкви всего свѣта? Вѣрите-ли что по смерти праведные и грѣшные совершенную мзду пріимаютъ, святые—въ царствіи небесномъ, грѣшные—муку?“ Попъ и народъ отвѣщаютъ: вѣримъ, такъ бо напечатано въ кіевскихъ книгахъ „Мессія“. Вѣрите ли, что также важно крещеніе чрезъ обливаніе тремя ложками воды, яко и совершенное погруженіе? Отвѣщаютъ: вѣримъ,

такъ и въ Кіевѣ обливаютъ. Проклинаете-ли схизму? „Проклинаемъ". „Говорите-ли вси: проклинаемъ схизму, проклинаемъ, проклинаемъ?" И вси говорятъ: „проклинаемъ, проклинаемъ, проклинаемъ! Аминь!" Виждь же и суди, новый Израиль, достойно-ли въ Кіевѣ таковыхъ еретиковъ со всей Польши тѣла и крови Христовыхъ причащати! — Іосифъ Волчанскій, полякъ, судія, отъ лица всѣхъ судей говорилъ: попы и народъ въ Польшѣ не своею волею на вѣру римскую приставаютъ, а благочестивыхъ проклинаютъ; а мы рады, чтобы весь свѣтъ къ намъ привернулся, и какъ намъ въ Кіевѣ народу польскаго не причащати, понеже къ намъ ревность имѣетъ. Превеликую ревность попы римскіе имѣютъ, дабы въ кіевскихъ церквахъ обѣдни служити свои еретическія, такъ вы и пустите. А издавна въ Польшѣ церкви благочестивыя были, а не еретическія, да еретики войною ходили и пушками двери церквей отбивали, дабы еретическую свою обѣдню служить.

13) Въ Кіевѣ въ училищахъ латинскихъ по указу латинорималянъ частые споры о Св. Духѣ заводятъ на разореніе вѣры, и Божество терзаютъ, равночестье Сына и Духа умаляютъ, св. апостолъ и св. отецъ простыми мужиками называютъ, все преданіе и вѣру въ ложь поставляютъ, и блядословятъ, яко и Бога нѣсть, небо и землю превращаютъ, и все твореніе въ самобытіе приводятъ, и по ты богоборствуютъ, пока ума изступятъ и придутъ въ неистовство. Тогда затрубятъ въ трубы и ударятъ въ литавры на четверть часа и премѣшаютъ имъ споры, иные же тому аки бы противятся, самою же вещію помоществуютъ хулити. И къ чему такое богоборство въ благочестивой державѣ бываетъ? Чего ради вы Бога злословите, и святыхъ, и законъ, спрашивалъ Макарій. Отвѣчали: то намъ въ наученіе и тѣми спорами мы испытуемъ и проходимъ глубины разума и премудрости Божіей.

14) Архидіаконы и іеродіаконы, также протодіаконы и дьяконы (которые и женъ имѣютъ) спятъ съ женами наканунѣ литургіи и во всѣхъ таинствахъ священнодѣйствуютъ, какъ дьяконамъ над-

лежитъ, а во время причащенія отходятъ въ закоулки и не причащаются. На что же и священнодѣйствовати?

15) Малороссіяне на Бога возлагаютъ вину, что не по прежнему хлѣбъ родится. А какъ будетъ Богъ хлѣбъ родить, когда и въ седьмый день работаютъ, какъ и въ другіе дни? А вина того въ примѣрѣ монастырей, которые заставляютъ работать на себя и въ праздничные и въ воскресные дни, говорятъ: на монастырь работать не грѣхъ и въ недѣлю, якобы на церковное строеніе. Да и попы въ недѣлю на толоку созываютъ посполитый народъ. Глядя на нихъ, то дѣлаетъ и весь народъ.

Малороссія бѣдная болитъ сердцемъ и страждетъ душею отъ погрѣшительнаго заграничнаго исправленія вѣры и желаетъ всѣмъ сердцемъ вселити въ себя свѣтъ благочестія церкви великороссійской. Почтенные отъ Бога властію чины церкви великороссійской не возбраняютъ Малороссіи содержать латино-римское уніатское исправленіе. Отчего же и не примутъ сами великороссіяне того исправленія? А не лучше ли погрѣшительное уніатское исправленіе вѣры возбранить малороссійскимъ церквамъ и утишить раздоръ церковный?

Я въ томъ не имѣю сомнѣнія, заключаетъ свои разсужденія Макарій, въ чемъ не содержится таинства, но сумнительствую о томъ неисправленіи у кіевлянъ и малороссіянъ, которое относится къ таинствамъ. Греки, видя тѣ неисправленія, называютъ малороссіянъ прелюбодѣйчищами, а не сынами православной церкви, и говорятъ: откуду въ ваши книги вошло неисправленіе? Знать отъ псевдоепископовъ—Рогозы и Терлецкаго и другихъ отступниковъ и сумасбродниковъ. Такъ оно точно и есть. Да и великороссіяне, которые вѣдаютъ то неисправленіе малороссіянъ, называютъ ихъ обливанцами.

Усматривая приближающееся полное торжество въ Малороссіи и Кіевѣ, если не самаго католичества, то уніи, которая содержитъ многіе противные православію догматы и обряды католичества, Макарій входитъ въ подробный разборъ этихъ догматовъ и обря-

довъ. Полемика его рѣзка, по мѣстамъ груба, по обычаю того времени; но тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ въ немъ человѣка, свѣдущаго въ догматической и полемической литературѣ того времени и въ церковной исторіи. Не передаемъ этой полемики, такъ какъ содержаніе ея не представляетъ ничего новаго въ сравненіи съ извѣстными печатными произведеніями православной противоуніатской литературы.

Любопытно негодованіе автора противъ жидовъ и ихъ отношеній къ православному люду.

Достоблаженнаго и приснопамятнаго государя императора Петра I были указы (яко же 1720 года), Христу угодные и христіанамъ зѣло потребные и радостные, дабы всескверные и безбожные іудеи отъ православныхъ россійскихъ предѣловъ отлучены и изгнаны были, что-было и сдѣлалось. Въ нынѣшніе же года тотъ указъ весьма презрѣли, и жидодержавство въ Малороссіи по прежнему обрѣтается; а жидодержавство православному христіанину зѣло лютое препятіе ко спасенію, далече бо благодать Божію отгоняетъ отъ дома того всескверная ихъ молитва. Жидъ лютѣйшій врагъ Христу и христіанамъ, паче самого дьявола, ибо и бѣси вѣру имутъ и трепещутъ, а жидъ трижды на день кленетъ Христа и христіанъ. Если христіанинъ что изъ рукъ жида съѣстъ или испіетъ, то уже волю его будетъ творити. Даючи напитокъ христіанамъ, жиды говорятъ: пійте христіане свою кровь, и чтобы есте пили во вѣки, а на насъ бы работали и намъ бы добро свое пропивали. Жиды держатъ изъ христіанъ доилицъ, рабовъ и рабынь. Когда доилица причастится Христовыхъ таинъ и придетъ изъ церкви, жидъ подговоритъ или подкупитъ ее, чтобы зайдя въ заходъ исцѣдила трижды млеко свое въ скаредное мѣсто. О томъ писано въ книгѣ „Мессія“, и на духу велѣно было доилицъ о томъ допрашивать, и многіе винились. По причащеніи своихъ рабовъ, жиды, ставши надъ сонными ими, кленутъ Христа и христіанъ. Въ пятки, среды и прочіе посты жидъ особенно тщится осквернить всячески христіанъ. Въ талмудѣ велѣно жидамъ, дабы

всякими способами истребляли христіанъ, облыгали ихъ, клеветали, обманывали, оскверняли... Могли бы архіереи въ своихъ епархіяхъ при тѣхъ богоугодныхъ указахъ стоять и жидодержавство своею властію духовною возбранять. Да повелитъ ваша благость дѣтей и женъ жидовскихъ похватати и злостныхъ жидовъ за рубежъ прогоняти, которые не похотятъ христіанствовати.

Выше мы упоминали, что письма Макарія были отданы на разсмотрѣніе Аѳанасію, епископу вологодскому. Приводимъ отзывъ этого іерарха, заслуживающій вниманія и самъ по себѣ. Преосвященный дѣлитъ разсужденія малороссіянъ, которыя Макарій считаетъ ересеями, на три группы: 1) противныя ученію церкви восточной, 2) среднія и 3) согласныя съ ученіемъ церкви восточной. *Противными* православному ученію онъ признаетъ: а) напечатанное въ Требникѣ Петра Могилы, въ Ключѣ разумѣнія и въ книгѣ „Миръ съ Богомъ“ мнѣніе, будто пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы на евхаристіи совершается произнесеніемъ словъ: *пріимите, ядите..., и пійте отъ нея вси.* По словамъ преосв. Аѳанасія, это мнѣніе папежское, а греческая и великороссійская церковь вѣруютъ, что пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову совершается по призываніи Духа Святаго, въ словахъ: *сотвори убо хлѣбъ сей* и пр., предъ изряднымъ; б) худо разсуждалъ Іосифъ Волчанскій, когда говорилъ, будто жертва папежская такъ важна, какъ и благочестивыхъ, но гораздо худше и весьма безумно говорилъ Макарій, что жертва ихъ мертва и проклята; в) невѣроятно, будто у малороссіянъ въ вино на евхаристіи кладутъ одну лишь каплю воды, понеже одну каплю ни въ сосудѣ принести, ни въ потиръ положити невозможно, а ежели то правда, то церковному уставу противно; г) противно уставу и допущеніе въ алтарь двоеженцевъ и троеженцевъ, тѣмъ болѣе дозволеніе опираться на престолъ и призирать въ таинства; д) въ словахъ Кохановскаго объ иконѣ Троеручицы и св. Аѳанасіѣ аѳонскомъ содержится хула на святыхъ; е) обычай

примѣшивать въ просфорное тѣсто къ двумъ частямъ муки пшеничной третью часть муки ржаной противенъ правиламъ, „понеже и самъ Христосъ сію великую тайну составилъ изъ пшеничнаго хлѣба“. *Средніе* пункты въ ученіи малороссіянъ слѣдующіе: а) слово *истиннаго* въ символѣ „не прибавка, а истолкованіе, понеже у грековъ Κύριον имѣетъ два сенса, и „Господа“ и „истиннаго“, и можетъ быть, что переводчикъ тамошній положилъ оба сенса за опасность“; б) что у нихъ въ символѣ жъ сказано „нѣсть конца“, о томъ разсуждаю, что противъ переводу есть погрѣшность, а противъ сенса нѣтъ, понеже предъ Богомъ нѣсть прешедшаго и будущаго времене, но все настоящее, якоже и Моисею имя Свое явилъ „Сый“. *Согласные:* а) относительно покупки тѣста для просфоръ у калашниковъ и съ посполитыхъ дворовъ преосв. Аѳанасій замѣчаетъ, что и въ Греціи многократно то бываетъ, и непротивно св. евхаристіи, понеже самъ Христосъ глаголетъ, яко алтарь святяй даръ, а не даръ святяй алтарь; б) и въ Греціи проскомидія совершается нерѣдко на оцѣпенѣлыхъ просфорахъ по нуждѣ; естество хлѣба тожде есть въ просфорахъ десятодневныхъ и единодневныхъ. И въ Греціи и въ Россіи пречистое тѣло Господа сохраняется въ дароносицѣ чрезъ цѣлый годъ на потребу болящихъ, и вѣруемъ, что въ томъ годовомъ хлѣбѣ есть живое тѣло и кровь Христовы; в) вынимать частицы за безплотныхъ не токмо не противно греческой церкви, но и весьма согласно: въ служебникѣ повелѣвается первую часть вынимать за безплотныхъ; г) употребленіе бѣлаго вина въ евхаристіи не противно греческой церкви, ибо и у нихъ тако бываетъ; въ литургіи Василія Великаго сказано: и пріимъ отъ плода лознаго; а вино и красное и бѣлое отъ лозы. Объ остальныхъ пунктахъ доношеній Макарія преосв. Аѳанасій считаетъ излишнимъ дѣлать отзывъ, такъ какъ, по его мнѣнію, одни изъ нихъ маловажны, а другія даже смѣшны.

Н. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки